

Николай Бердяев

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СУДЬБЕ РОССИИ

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Новое средневековье / Н. Бердяев. – М. : Т8RUGRAM,
2018. – 128 с.

ISBN 978-5-521-78890-3

Имя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) – выдающегося христианского и политического мыслителя, проповедника философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма – вписано в историю не только русской, но и мировой культуры.

«Новое Средневековье» – известный сборник философской направленности, включающий в себя три этюда, написанных в разное время, в которых повторяются и развиваются основные мысли о судьбе России, русской революции, демократии, социализме, теократии и намечаются возможные пути выхода из мирового кризиса.

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС НР
BISAC JNF040000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	7
РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ....	53
ДЕМОКРАТИЯ, СОЦИАЛИЗМ И ТЕОКРАТИЯ ...	95

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три этюда, объединенные в этой книжке, были написаны в разное время в течение последних полутора лет. Они не только внутренне едины, но в них повторяются и развиваются основные мысли в новой связи. «Размышление о русской революции» и «Демократия, социализм и теократия» написаны по преимуществу в критической форме и имеют своей целью вскрытие отрицательных начал. «Новое средневековье» написано в форме положительной, и в этом этюде я пытаюсь наметить возможные пути выхода из мирового кризиса. Мысли мои будут поняты верно, если они будут поняты динамически. Всякое статическое их понимание всегда будет ложно. Меня интересуют судьбы человеческих обществ в движении.

Берлин, 5 июля 1924 г.

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В истории, как и в природе, существуют ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски. Ритмичность и периодичность свойственны всякой жизни. Говорят об органических и критических эпохах, об эпохах ночных и дневных, сакральных и секулярных. Нам суждено жить в историческое время смены эпох. Старый мир новой истории (он-то, именующий себя все еще по старой привычке «новым», состарился и одряхлел) кончается и разлагается, и нарождается неведомый еще новый мир. И замечательно, что этот конец старого мира и рождение нового одним представляется «революцией», другим же представляется «реакцией». «Революционность» и «реакционность» так сейчас перепутались, что потерялась всякая отчетливость в употреблении этих терминов. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*. Я не предсказываю, каким путем необходимо пойдет история, в хочу лишь проблематически начертать идеальные черты и тенденции нового типа общества и культуры¹. Мысли мои часто совершенно превратно понимают и из них делают совершенно неправильные выводы. Я объясняю это тем, что мой образ мыслей истолковывают в категориях новой истории, что его хотят отнести к одному из направлений новой

¹ Этот этюд может быть чем-то вроде программного разъяснения к мыслям, развитым в моем «Конце Ренессанса» (см. «София») и в книгах «Смысл истории» и «Философия неравенства».

истории, в то время как существо моей мысли в том и заключается, что все категории мысли новой истории, все ее направления кончены и начинается мышление иного мира, мира нового средневековья. Духовные начала новой истории изжиты, духовные силы ее истощены. Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную. Это чувствуют наиболее чуткие люди¹. Плохо ли это, мрачно ли это, пессимистично ли это? Самая постановка такого рода вопросов совершенно неверна, глубоко антиисторична, слишком рационалистична. Падают ложные покровы, и обнажается добро и зло. Ночь не менее хороша, чем день, не менее божественна, в ночи ярко светят звезды, в ночи бывают откровения, которых не знает день. Ночь первозданное, стихийнее, чем день. Бездна (ипегипо) Я. Бёме раскрывается лишь в ночи. День набрасывает на нее покров. Тютчев, великий поэт ночной стихии, поведал нам тайну соотношения дня и ночи:

*Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.*

¹ О мировом кризисе, о смене эпох говорят Шпенглер, Кейзерлинг, Шпани, Т.Лессинг, Г.Ферреро, у нас Р.Виппер, все люди очень разных мировоззрений. Из писателей-художников наиболее чувствителен к историческому кризису А.Белый.

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*День — сей блистательный покров.
...Настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Собрав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами:
Вот отчего нам ночь страшна!*

Когда наступают сумерки, теряется ясность очертаний, твердость границ.

*Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул;
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...*

Тютчев характеризует это время как «час тоски невыразимой». Мы живем в этот час смещения, в час тоски, когда без дна обнажилась и все покровы сброшены. Тютчев называет ночь «святой» и вместе с тем говорит, что в час ночи

*... Человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред этой бездной темной...
И чудится давно минувшим сном
Теперь ему все светлое, живое
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье роковое.*

Ночь метафизичнее, онтологичнее дня. Дневной покров не только в природе, но и в истории не прочен, он легко скрывается, в нем нет глубины. И весь смысл нашей эпохи, столь несчастливой для внешней жизни отдельных людей, в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни, в раскрытии «наследия рокового». Это и означает вступление в ночь,

*Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами.
Настанет ночь, и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он будит нас и просит.
Уж в пристани волшебной ожил чёлн...
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины.
И мы плывем пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Тютчева принято считать поэтом природы, ее ночной стихии. Стихи его, посвященные истории, совсем иные, они написаны еще при свете исторического дня. Но Тютчев глубже, чем думают. Он — вечное явление. Он предшественник ночной исторической эпохи, проводник ее. Поэтом наступающей ночи был и А. Блок. «Развязаны дикие страсти под игом ущербной луны». Он видел не «зори», как думает про него и про себя А. Белый, а наступающие сумерки ночи. Оба они сами не